К. А. БАРШТ

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» ДОСТОЕВСКОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Известно, что судьбы персонажей Достоевского часто имеют очевидный или неявный автобиографический характер, иногда говорят о «криптограммах» писателя, в скрытых аллюзиях шифрующего свои жизненные впечатления. Ряд таких биографических и автобиографических аллюзий содержится в романе «Бедные люди».

Рассказывая Вареньке о своем быте, Девушкин сообщает об «офицерах», которые собираются вечерами в комнате одного из них и «все в карты играют» (1, 16). Это автобиографическая деталь. В годы, предшествующие написанию «Бедных людей», как вспоминает его младший брат, молодой Достоевский «увлекался игрою» (преферанс, вист, банк и штосс) с офицерами — однокашниками по Главному инженерному училищу.[1] В том же письме Девушкин объясняет Вареньке, как устроена его каморка: «...у меня вдоль поперечной стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната» (1, 16). Как вспоминает Андрей Михайлович Достоевский, в такого же рода помещении в Мариинской больнице для бедных, на казенной квартире его отца прошло детство Достоевского: «В задней части этой довольно глубокой передней отделялось, помощью дощатой столярной перегородки, не доходящей до потолка, полутемное помещение для детской».[2]

Переписка Ф. М. Достоевского с братом Михаилом Михайловичем в 1838—1844 гг. предоставила будущему писателю возможность войти в литературно-философский дискурс своего времени и стала фактическим началом подготовительной работы к написанию его первого произведения, романа «Бедные люди», повлияв и на выбор

---

[1] *Достоевский А. М.* Воспоминания. М., 1999. С. 128.

[2] Там же. С. 24.

© К. А. Баршт, 2010

для него эпистолярной формы.[3] В основе эпистолярия Достоевского 1838—1844 гг. лежат четыре первичных жанра: письмо-исповедь, письмо-рецензия, письмо-рассказ и письмо-эссе. Эти же четыре жанра мы обнаруживаем и в письмах Макара Девушкина к Вареньке Доброселовой. Например, письмо-исповедь Девушкина от 5 сентября (1, 85—91) и письмо-исповедь Достоевского от 31 октября 1838 г. (28_1, 5—53); письмо-рецензия Девушкина от 7 июня (1, 61—63) и письмо-рецензия Достоевского от 1 января 1840 г. (28_1, 66—71); письмо-рассказ Достоевского от 16 августа 1839 г. и повествование Девушкина от 18 сентября о Горшкове, о нищем мальчике и шарманщике (1, 86—88) и Вареньки Доброселовой о своем детстве (1, 27—45); философское эссе в письме Достоевского от 31 октября 1838 г. (28_1, 53—55) и «иносказательное» размышление Макара Девушкина о всеобщей сапожности окружающей социальной действительности (1, 88—89). Можно также увидеть, что и стилевые эволюции писем Девушкина к Варваре Доброселовой и Достоевского к брату Михаилу Михайловичу обладают определенной степенью схожести: первые письма двух эпистолярных текстовых корпусов созданы в условном романтико-сентиментальном стиле, последние — в виде детальных описаний реальных событий, в манере «натурального очерка».

Пытаясь угодить читательским пристрастиям Вареньки, Девушкин обещает ей «достать стихов», добавляя, что у него хранится «тетрадка одна переписанная» (1, 25). Согласно воспоминаниям А. Е. Ризенкампфа, у Достоевского в эти годы хранился рукописный сборник, где были стихи его брата, М. М. Достоевского, — переводы из немецкой поэзии и оригинальные произведения, написанные в 1837—1840-е гг. Достоевский был горячим поклонником поэтического дара своего брата, считая его стихи «прелестными»: «...я никогда не был равнодушен к тебе; я любил тебя за стихотворения твои, за поэзию твоей жизни...» — писал он М. М. Достоевскому 1 января 1840 г. (28_1,69). Варенька сообщает Девушкину, что ей было «четырнадцать лет, когда умер батюшка». Таков был возраст сестры писателя Варвары Михайловны Достоевской, прототипа героини «Бедных людей» Варвары Доброселовой, к моменту смерти матери, Марии Федоровны Достоевской (1837). Девушкин собирается переписывать «разные бумаги разным литераторам» (1, 74), это заставляет вспомнить, что в период создания романа «Бедные люди» Достоевский часто обращался к переписчикам для изготовления беловых рукописей своего произведения. Здесь Достоевский обрел

---

[3] См. об этом статьи автора: «Маленькая рама» эпистолярного романа: Ранние письма Ф. М. Достоевского и роман «Бедные люди» // Литературная учеба. 1982. № 4. С. 172—177; Две переписки: Ранние письма Ф. М. Достоевского и его роман «Бедные люди» // Достоевский и мировая культура: Альманах № 3. М., 1994. С. 77—93.

опыт начальственной «распеканции», такого характера, какого была выволочка Девушкину за испорченную при переписывании бумагу со стороны начальника канцелярии в романе «Бедные люди». Об этом вспоминает А. Е. Ризенкампф: Достоевский «то и дело ... нанимал писарей для переписки черновых своих сочинений и выходил из себя, видя их ошибки».[4]

Денежная помощь Вареньке оказывается для Девушкина непосильным бременем, он впадает в нищету и обретает внешний вид, вызывающий желание выдать ему добавочное жалованье в счет следующего месяца (1, 93). Заметим, что начальник Девушкина действует здесь в соответствии со специальным указом Николая I, вышедшим за два года до написания «Бедных людей», в 1842 г., о котором хорошо знал Достоевский: «В случаях необыкновенных дозволяется испрашивать единовременные денежные выдачи...».[5] Когда Евстафий Иванович отвечает, что Девушкин уже свое жалованье «забрал, вот за столько-то времени вперед» и больше выдавать зарплату авансом не дозволяется, это означает, что Девушкин взял в казне кредит, равный жалованью за один год работы, а возможно, и больше. Опыт такого рода был у Достоевского, который брал подобный кредит в казне канцелярии во время прохождения службы в Петербургской инженерной команде. В своем письме от 20 октября 1844 г. к П. А. Карепину он с сожалением констатирует, что помимо долгов ростовщикам у него «есть долги казенные». Находясь в состоянии крайнего безденежья, Девушкин пытается обратиться к ростовщику (1, 71). Однако у ростовщиков (процентщиков) гарантией возврата долга являлся заклад — часть имущества должника, и потому Девушкин потерпел неудачу, заклада у него не было. Находясь в похожей ситуации, также не имея заклада, осенью 1843 г. Достоевский занимал деньги у ростовщика, отставного унтер-офицера, в счет доверенности на получение своего жалованья за январскую треть 1844 г., а гарантией возврата стало ручательство казначея Инженерного управления, где служил будущий писатель.[6]

В письме от 19 сентября Девушкин сообщает, что нашел работу «у одного сочинителя» (1,99). Налицо еще одна «криптограмма» Достоевского: 19 сентября 1844 г. он написал опекуну П. А. Карепину письмо, в котором извещал его о подаче прошения об отставке и о своем твердом решении стать литератором (28_1, 96—99). Дата последнего письма Девушкина, видимо написанного 30 сентября (1, 106), совпадает с временем написания письма Достоевского брату Михаилу Михайловичу, 30 сентября 1844 г. сообщающего об окон-

---

[4] Литературное наследство: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973. Т. 86. С. 331.

[5] Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. СПб., 1842. § 46. С. 25—26.

[6] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1993. С. 85.

чании романа «Бедные люди»: «Я кончаю роман в объеме Eugenie Grandet. Роман довольно оригинальный ⟨...⟩ Я чрезвычайно доволен романом моим» (28_1, 101).[7] Можно предположить, что и другие даты писем Девушкина к Вареньке соответствуют датам написания определенных частей романа «Бедные люди» в 1844 г.

Фабульная основа «Бедных людей» тематически связана с историей создания Достоевским своего первого произведения, соединяющего в одно целое две судьбы молодого Достоевского, в те годы мелкого чиновника и начинающего литератора, и одновременно «нелитературное» и «литературное» письменное слово. За «гоголевской» темой теряющего остатки человеческого облика «бедного чиновника» скрывается иная — об обретении начинающим писателем своего первого читателя, о выходе из состояния «запустения» творческих сил человека, скованных низким социальным статусом. Создание этого произведения было для Достоевского не только значительным творческим актом, но и поворотным рубежом его личной судьбы. С его помощью он решал проблему отказа от служебной карьеры, к чему его склонял отец, М. А. Достоевский, а затем опекун, П. А. Карепин. Вопрос о выборе жизненного пути, который стоял перед молодым Достоевским, чиновником 10-го класса, обратился в главную тему произведения — о жизни мелкого чиновника, ищущего приложения своим творческим силам и реализации своего авторского голоса. В «Бедных людях» описывается судьба «маленького человека», которого жизнь заставляет стать писателем; подобно самому Достоевскому в 1838—1844 гг., он приступает к творению своего слова о мире в откровенной и интенсивной переписке с родственным ему по духу человеком.

В этом смысле Макар Девушкин — это пророчество молодого Достоевского об одной из возможностей его будущей судьбы. В семнадцатилетнем возрасте Достоевский поступил на службу в качестве кондуктора Главного инженерного училища; Макар Девушкин указывает, что отдан был на службу в 17 лет, и говорит о своем «тридцатилетнем опыте». Эти «тридцать лет» Девушкина становятся предметом художественного анализа Достоевского, решающего в романе «Бедные люди» вопрос о целесообразности и оправданности пути, на котором он оказался благодаря воле отца и на котором настаивает теперь его опекун П. А. Карепин. В «Бедных людях» Достоевский описывает оба варианта развития этой фабулы: 1) судьба Покровского — скорая гибель талантливого и нравственно совершенного юноши в хаосе и грязи социальной жизни, с которой он несовместим. Если в этом случае удастся выжить, то: 2) судьба Девушкина,

---

[7] *Якубович И. Д.* Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 39. См. также: *Баршт К. А.* Литературный дебют Достоевского // Нева. 1986. № 9. С. 194—198.

тридцать лет подряд несущего в своем сердце идеалы красоты и истины, жертвующего всем ради них: карьерой, материальными благами, комфортом — и в итоге влачащего тяжкое существование «бедного чиновника». Третий и четвертый варианты — стать «продажным писателем» вроде Ратазяева или еще одним «помещиком Быковым» — отметаются как неприемлемые и/или практически невыполнимые. Используя метод «пробы идеи», развитый им далее в 1860—1870-е гг., Достоевский доказывает себе следующее: творчеству как основному содержанию жизненного пути нет альтернативы ни в возрасте Покровского, ни в возрасте Девушкина. В романе «Бедные люди» Макар Девушкин выбирает то, что в результате написания «Бедных людей» не выбрал для себя сам Достоевский, который принял решение начать свой творческий путь как можно раньше и во что бы то ни стало, не дожидаясь прихода возраста Девушкина и того трагического тупика, в котором тот оказался.

Исследуя свою будущую судьбу в романе «Бедные люди», Достоевский максимально ужесточает исходные условия художественного эксперимента. Макар Девушкин — сорокасемилетний чиновник в чине титулярного советника (9-й класс по Табели о рангах), занимающий должность переписчика бумаг в своем департаменте. Эта письменная практика должна была бы выбить из него возможные творческие задатки и авторские интенции; более того, кажется, что он утерял все человеческие черты и превратился в некую ходячую «машину для письма». Он беден, у него скверные условия быта и ветхая одежда, плохая репутация, все ему говорят, что он «туп». Но такая самооценка еще одного «Башмачкина», показывает Достоевский, пропадает, как только у него появляется возможность письменного изложения своего личного видения мира. Заинтересованный и любящий взгляд одного только человека, как сказал бы Бахтин, «положительно-приемлющее» понимание, пробуждает дремлющие в нем творческие силы, и Макар Девушкин раскрывается как яркая индивидуальность, более того, как незаурядный художник слова. Так решается вопрос в «Бедных людях», и, как мы знаем, в этом же направлении двигался сам Достоевский в выборе своего пути. Закончив художественное исследование вопроса, он сделал вывод и не стал жертвовать лучшей частью жизни в виде «тридцати годочков» беспорочной службы для проверки его правильности, но немедленно вышел в отставку и осуществил перевод своего собственного эпистолярного «мира на двоих», своей переписки с братом Михаилом, в форму литературного произведения. Обратим внимание на формулировку ответа Достоевского опекуну П. А. Карепину, возражавшему против его увольнения со службы: «Я подал прошение в половине августа... И, разумеется, по тем же самым причинам, по которым подаю в отставку, не могу опять поступить на службу» (28_1, 97).

Название романа «Бедные люди» тесно смыкается с его основной темой и мотивами. Заметим, что это название демонстративно тривиально, особенно в контексте современной ему литературы, когда сотнями появлялись произведения, авторы которых описывали жизнь бедных чиновников. Как указал А. Цейтлин, особенно важное место «в бытописании этой городской бедноты занимает Булгарин», сосредоточивший внимание читающей публики на «быте человечества 14-го класса»[8] («Чиновник», «Памятные записки титулярного советника Чухина», «Послание губернского секретаря Петушкова к Христофору Колумбу», «Плач подьячего Н. Ф. Тычкова над сводом законов», «Победа от обеда», «Три листка из дома сумасшедших» и др.). Следует отметить рассказ Ф. В. Булгарина «Бедный Макар, или Кто за правду горой, тот истый ирой», в котором главное действующее лицо, характеризуещееся неспособностью ко лжи и лицемерию, из-за этого постоянно попадает в беду, его презирают и гонят, люди бегут от него «как от прокаженного»; за свои безнадежные попытки «плыть против течения» он получает кличку «бедный Макар». Однако в финале произведения, согласно принятому в произведениях Булгарина правилу, добродетель героя вознаграждается: он обретает богатство и семейное благополучие. Иная судьба у Макара Девушкина: в отличие от «бедного Макара» Ф. В. Булгарина, грудь которого украшают ордена за его умение жить и говорить по правде, герой Достоевского не получает обещанного ему «крестика».

В романе «Бедные люди» содержится значительный ряд аллюзий на произведения Ф. В. Булгарина. Спальня Макара Девушкина, как и «бедного Макара», представляет собой часть комнаты «за перегородкой»;[9] воспоминания Вареньки Доброселовой весьма напоминают рассказ Татьяны, «бедной обольщенной девушки», оставшейся без родителей на попечении людей, от которых она терпела несправедливые упреки и обвинения из «Памятных записок титулярного советника Чухина». Подобно Татьяне, Варенька получает домашние уроки; ее тоже выдают замуж за богатого и не очень в моральном отношении чистоплотного человека.[10] Варенька Доброселова весьма похожа и на Лизу из «Живого мертвеца» В. Ф. Одоевского, где описывается горестная судьба обесчещенной девушки благородного происхождения, доведенной от отчаяния ее сомнительным «благодетелем». А. Цейтлин указал также на близость сюжета «Бедных людей» к повести Е. Гребенки «Горев Николай Федорович», опубликованной в «Репертуаре и Пантеоне» в 1840 г., где главное действую-

---

[8] *Цейтлин А.* Повести о бедном чиновнике Достоевского. М., 1923. С. 4.

[9] *Булгарин Ф. В.* Бедный Макар, или Кто за правду горой, тот истый ирой // Булгарин Ф. В. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. М., 2007. С. 43.

[10] *Булгарин Ф. В.* Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1835. Ч. 2 С. 6—39.

щее лицо — бедный чиновник, жизненные обстоятельства которого отражены в его фамилии, а главная героиня — бедная невеста и сирота по имени Варенька.[11]

Среди других произведений о жизни бедных чиновников, в изобилии публиковавшихся в эти годы, которые могли привлечь внимание молодого Достоевского, необходимо назвать произведения М. Н. Загоскина («Новорожденный»), И. И. Панаева («Слабый очерк сильной особы», «Прекрасный человек», «Галерная гавань»), Я. П. Буткова («Невский проспект», «Странная история»), Е. П. Гребенки («Записки студента», «Дальний родственник»), Н. Ф. Павлова («Демон»), А. С. Афанасьева-Чужбинского («Чиновник»), Р. М. Зотова («Служба и дружба»), В. И. Даля («Любовь по гроб»), А. Емачева («Любовь бедных людей»), В. А. Соллогуба («Букеты, или Петербургское цветобесие»). Этой же теме посвящены все пять томов собрания сочинений П. Машкова (СПб., 1833—1835); особенно важны для нас в этом контексте «Две карьеры», «Очерки канцелярской жизни» и «Адам Адамович Адамгейм». А. Цейтлин замечает по этому поводу, что в романе Достоевского нет ни одного нового мотива, по сравнению с сотнями больших и маленьких произведений о бедных чиновниках, написанных к моменту создания «Бедных людей».[12] Это произведение замечательно не своим описанием чего-то такого, что еще не было описано; его оригинальность, отмеченная его первыми читателями, Н. А. Некрасовым и В. Г. Белинским, в специфической постановке вопроса о смысле человеческой жизни, несводимой к процессу обретения материальных и социальных благ. От прочих повестей о бедных чиновниках, в великом множестве выходивших в 1830—1840-е гг., роман «Бедные люди» отличался именно этим.

Значительное место в первом романе Достоевского занимают парафразы и реминисценции из произведений М. Ю. Лермонтова. Девушкин, как, очевидно, и Достоевский, хорошо знал творчество поэта. Он приводит в письме к Вареньке поэтическую строку из имеющейся у него «книжки»: «Зачем я не птица, не хищная птица!» (1,14), которая заставляет вспомнить начальные строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Желание» (29 июля 1831 г.): «Зачем я не птица, не ворон степной...». В следующем своем письме он воспроизводит первые слова известного стихотворения «И скучно, и грустно...» (1840) (1, 19). Формируя пародию на «бульварное псевдоромантическое» произведение о Ермаке, Достоевский вспоминает о «вашем холодном, ледяном, бездушном, самолюбивом свете» (1, 53) — одной из главных тем лермонтовского творчества. Возможно, это аллюзия на «Маскарад» и другие произведения М. Ю. Лермонтова, где развивалась кардинальная для его творчества тема губительной для

---

[11] *Цейтлин А.* Повести о бедном чиновнике Достоевского. С. 14.

[12] Там же. С. 25—26.

талантливого человека тупой инерции «общественного мнения». Эта же тема упоминается уже не в рамках ратазяевского текста, но в описании страданий нищего ребенка, умирающего от голода и просящего милостыню: «Сердца у них каменные; слова их жестокие» (1, 87), вероятно, аллюзия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Два сокола» (1829): «Ах, я свет возненавидел — И безжалостных людей». — «Что ж ты видел там худого?» — «Кучу каменных сердец...».[13]

В романе «Бедные люди» немало гоголевских парафразов и реминисценций, практически все они уже отмечены исследователями. К ним можно прибавить фразу из описания Варенькой похорон студента Покровского: «...увязалась с ним вместе провожать гроб какая-то нищая старуха» (1, 45), представляющую собой реминисценцию из «Невского проспекта» Н. В. Гоголя: «...ломовой извозчик тащит красный, ничем не покрытый гроб бедняка, и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется за ним, не имея другого дела».[14]

Имя главного героя романа «Бедные люди» не было слишком оригинальным для литературного произведения 1840-х гг., посвященного жизни бедного чиновника. К началу работы Достоевского над романом «Бедные люди» этим именем обладал целый ряд персонажей из произведений, в которых описывались злоключения чиновников при их попытках сделать служебную карьеру. Помимо упомянутого булгаринского «Бедного Макара (1842),[15] это также «Макар Осипович Случайный» Н. А. Перепельского (Н. А. Некрасова) (1840).[16]

Комментируя юмористические повести Ратазяева, Девушкин отдает себе отчет в их содержательной пустоте, оправдывая их значение тем, что они написаны «ради смехотворства», «чтобы людей смешить» (1, 50—51). Возможно, здесь мы имеем дело с аллюзией на статью О. И. Сенковского, опубликованную в «Библиотеке для чтения» в 1843 г., где есть строки: «С тех пор, как малороссийская фарса посетила нашу важную и чинную литературу под именем юмора, остроумие и веселость вдруг в нас развязались ⟨...⟩. И шутливость вспыхнула из нас волканом. Теперь мы шутим, жартуем, фарсим, как чумаки в степи».[17] Образцовыми произведениями этого жанра считались: «Послание губернского секретаря Петушкова к Христофору Колумбу» и «Плач подьячего Н. Ф. Тычкова над сводом законов» Ф. В. Булгарина.

---

[13] *Лермонтов М. Ю.* Два сокола («Степь, синея, расстилалась...») // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 87.

[14] *Гоголь Н. В.* Невский проспект // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1938. Т. 3. С. 34.

[15] *Булгарин Ф. В.* Картинки русских нравов. СПб., 1842.

[16] Репертуар и Пантеон. 1840. № 5. С. 36—61.

[17] Библиотека для чтения. 1843. Т. 58. Раздел VI. С. 9—10.

Расхваливая литературный профессионализм Ратазяева, Девушкин говорит: «Перо такое бойкое и слогу пропасть ⟨...⟩ Прелесть такая, цветы, просто цветы; со всякой страницы букет вяжи!» (1, 51). Это очевидный намек на оценку стиля Ф. Булгарина В. Г. Белинским. Называя слог «Ивана Выжигина» гладким и грамматически выверенным, он писал, что никто из русских писателей не отличался «в родном языке такою чистотою и правильностию, как г. Булгарин в языке, чуждом ему».[18] Похвалы такого рода в адрес Ф. В. Булгарина со стороны Н. Полевого иронически воспроизводит Белинский и в другой своей статье.[19] Сцена, где Девушкина с позором спускают с лестницы, — «тут-то меня и с лестницы сбросили, то есть оно не то, чтобы совсем сбросили, а только так вытолкали» (1, 67) — реминисценция из романа Ф. В. Булгарина «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» (СПб., 1835), где главного героя, искателя правды Вениамина Чухина, лакеи сталкивают с парадной лестницы в доме князя Туманина (Ч. 1. С. 37). Подобный эпизод есть в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина, где Самсона Вырина также «вытолкнули» «на лестницу».

Оправданному по суду Горшкову Ратазяев говорит: «Что, батюшка, честь, когда нечего есть» (1, 98). С одной стороны, это очевидный парафраз пословицы: «И честь не в честь, коли нечего есть».[20] Однако возможно, что здесь содержится аллюзия на роман Ф. В. Булгарина «Петр Иванович Выжигин». В сцене обсуждения участниками партизанского отряда судьбы пленных французов одна из женщин говорит: «Знай честь, коли хочешь хлеб есть!».[21] Характеризуя Емелю, пребывающего в состоянии пьяного отчаяния, Девушкин говорит, что «он очень добрый человек, и весьма чувствительный человек» (1, 82). Это иронический намек на типичного героя произведений Ф. В. Булгарина, особенностью которого является то, что это «существо доброе от природы, но слабое и, в минуты заблуждения, подвластное обстоятельствам, — одним словом, человек, каких мы видим в свете много и часто».[22] Фраза Девушкина, в которой он настаивает на авторской оригинальности своего описания «сна о закоптелых капитальных домах», — «...что я это из книжки какой выписал? ... ни из какой книжки ничего не выписывал» (1, 89), — по-видимому, аллюзия на известное «Предисловие» Ф. В. Булгарина к своему

---

[18] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 5. С. 203.

[19] См. об этом: *Кузовкина Т.* Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики / Дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 2007. С. 122. http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/10062/2911/6/tatjana_kuzovkina_uus.pdf

[20] *Барсеньева К. Г.* Русские пословицы и поговорки. М., 2007. С. 359.

[21] *Булгарин Ф. В.* Полн. собр. соч. СПб., 1839. Т. 4. С. 125.

[22] *Булгарин Ф. В.* Предисловие: Письмо к его сиятельству Арсению Андреевичу Закревскому // Булгарин Ф. В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. VIII.

«Ивану Выжигину»: «...я никому не подражал, ни с кого не списывал, а писал то, что рождалось в собственной моей голове».[23]

Известное описание любовного свидания двух страстных натур, Владимира и Зинаиды, которое предлагает Вареньке Девушкин в качестве образца литературного творчества Ратазяева — «из „Итальянских страстей" местечко» (1, 52), — представляет собой аллюзию на бульварную («лубочную») приключенческую литературу, пользовавшуюся большим спросом на петербургском рынке.[24] Особую популярность имело произведение безымянного автора: «Могила Марии, или Притон под Москвою. Русский роман с картинами нравов в конце XVI века: В 2 ч.» (М., 1835), книга выдержала в течение XIX в. более тридцати переизданий. Главный герой романа Владимир Мстиславский и предмет его страсти Мария Блондовская во время любовного свидания находятся в столь же экзальтированном состоянии, что и персонажи ратазяевской повести: «О, как я счастлива! Я любима! Вот первые следы радости!.. Я любима! Я клянусь до гроба любить тебя, посвятить всю жизнь твоему счастью! ⟨...⟩ Владимир стоял подобно исступленному; непостижимый огонь пожирал всю его внутренность; сильная борьба чувств волновала душу, несколько раз он силился что-то выговорить, но слова замирали на устах, и наконец сила страстей победила все. — Клянусь! Клянусь жить для тебя одной, Мария! — вскричал он наконец и в упоении упал на грудь юной девицы. Пылкие восторги их смешались, души слились в одну гармонию наслаждения» (Ч. 1. С. 128—129). Другим возможным адресатом пародии является повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Изменник» (1825), главному герою которой Владимиру Ситскому снится сон, стилистически и тематически близкий к отрывку, записанному Девушкиным.

Второй образец ратазяевского творчества, воспроизведенный Девушкиным, также имеет аллюзивный адрес. Девушкин обрисовывает вначале фабульную основу произведения: «...казак Ермак, дикий и грозный завоеватель Сибири, влюблен в Зюлейку, дочь сибирского царя Кучума» (1, 52). Возможно, это реминисценция известной легенды о том, что при взятии Ермаком города Тебенде местный князь Еличай «вместе с данью представил Ермаку и юную дочь свою, невесту сына Кучумова», после чего, правда, «целомудренный атаман велел ей удалиться с ее прелестями опасными и с невинностью».[25] Нужно заметить, что любовные похождения Ермака в качестве фа-

---

[23] Там же.

[24] Автор статьи благодарен В. Д. Раку за помощь в выяснении этого вопроса.

[25] См.: Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям, воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке, по годам кончины, с приложением их кратких жизнеописаний / Изд. Платоном Бекетовым. М.: В типографии Семена Селивановского, 1821. Ч. 1. С. 37.

булы не раз привлекали внимание сочинителей. Можно назвать, например, трагедию А. Хомякова «Ермак» (М., 1832); большой популярностью у массового читателя пользовалась лубочная повесть «Ермак, покоритель Сибири», ее очередное издание вышло непосредственно перед началом работы Достоевского над своим первым романом (М., 1843). Эта книга (*Свиньин П. П.* Ермак, или Покорение Сибири Ермаком: В 4 ч. СПб., 1834) выходила ранее анонимно под заглавием «Ермак, завоеватель Сибири» (М., 1827). В ней описывается страстная любовь Ермака и Велики, дочери гетмана, в сценах их встреч использованы сентиментально-романтические клише: «Он бросился перед ней на колени. Радость влюбленного была неизъяснима. Восторг не давал свободы его языку... „Прекраснейшая из дев! Прости дерзости того, который осмелился простирать на дочь знаменитого гетмана взоры любви. Вини не меня, но любовь и мое сердце, против которых я не в силах противоборствовать". „Храбрый воин! — отвечала Велика, — я почла бы себя недостойною, если б презрела таким храбрым и честным воином, каков ты..."; «Их пламенный и нежный разговор, а вместе с тем неизъяснимое беспокойство занимали все их внимание. Страстный юноша обнимал страстную Велику; ее голова лежала на его груди, орошаемой ее слезами».[26] Что касается Зюлейки, то ее нет в упомянутых изданиях; у Достоевского это, скорее, аллюзия на одноименное стихотворение И.-В.Гете («Suleika» (Nimmer will ich dich verlieren...)), из «Книги Зюлейки» ((Buch Suleika»), 8-й части цикла «Западно-восточный диван»), изданной в русском переводе А. А. Бестужева (1829).[27] Не исключено, правда, что имя Зюлейки Достоевский взял из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Не верю» («Говорят: султанша ты / Ты, Зюлейка, одалиска, / Верх восточной красоты...»), на что указывает В. И. Мельник.[28] С историей завоевания Ермаком Сибири Достоевский впервые познакомился в десятилетнем возрасте, главы из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина читал по вечерам своим детям отец семейства Достоевских, Михаил Андреевич (21, 134).

О связях между «Бедными людьми» Достоевского и «Записками студента» Е. П. Гребенки можно было бы написать отдельное исследование. Укажем на одну сцену, где Девушкин портит важную бумагу и получает устный выговор от своего начальника: «Начали гневно: „Как же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно к спеху, а вы ее портите"» (1, 92). Это реминисценция из указанной повести Е. Гребенки, в центре сюжета которой находится

---

[26] Ермак, покоритель Сибири. М., 1843. Ч. 1. С. 51—52, 75.

[27] *Бестужев-Марлинский А. А.* Собр. стихотворений. М., 1948 (Б-ка поэта).

[28] *Мельник В. И.* Пародия на В. Г. Бенедиктова в «Бедных людях» // Русская литература. 1994. № 4. С. 178—179.

аналогичная по смыслу сцена обвинения в случайной порче в общем вполне добросовестным переписчиком важной бумаги: «...грозно посмотрел на меня: — Как вы смеете делать подобные дерзости, невежественности?.. как вы могли исказить смысл бумаги, данной вам начальником?».[29]

Описывая трагедию семьи Горшковых, Девушкин говорит, что Горшков «места лишился... процесс не процесс, под судом — не под судом» (1, 24). Согласно действовавшим в эти годы правилам, государственный служащий, оказавшийся под следствием, уходил в бессрочный отпуск без сохранения содержания. В случае выигрыша судебного дела период вынужденного отпуска засчитывался как оплачиваемое рабочее время, денежную компенсацию за этот период он получал немедленно после решения суда: «...кто находился под судом и оным оправдан, то время суда из действительной службы не исключается».[30] Например, в упомянутом выше романе Ф. В. Булгарина «Памятные записки титулярного советника Чухина» отец главного героя по ложному обвинению был привлечен к «суду и следствию» и поэтому «исключен из службы».[31] Согласно «Положению о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы» проигрыш дела в суде означал полную невозможность получения каких-либо премий, наград и других поощрений начальства, а также возможное увольнение или понижение в должности.[32]

Фраза Девушкина, что он «весне-то обрадовался, дурак дураком, да в холодной шинели пошел» (1, 19), означает, что у него было, как минимум, две шинели. Согласно уставу гражданской службы, государственный служащий в классном чине обязан был иметь несколько мундиров и шинелей, соответствующих разным временам года. Его уверения, что он «нового вицмундира совсем не продавал» (1, 25), говорят о том, что у него было несколько видов форменной одежды, в том числе «новый» и «старый» вицмундиры. Используя лазейку, которая содержалась в указе 1834 г., многие чиновники стали носить только один вицмундир, игнорируя остальные шесть видов форменной одежды. Причина заключалась в дешевизне и универсальности вицмундира, который мог служить и одеждой для «будней», и для официального присутственного места. В 1830-е гг. из-за резкой девальвации рубля ассигнациями множество чиновников низших классов впали в бедность; выяснилось, что они не в состоянии выполнять

---

[29] Отечественные записки. 1841. Т. 4. С. 190.

[30] Выписка из «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе, высочайше утвержденного в 25 день июня 1834 года». § 15. С. 2.

[31] *Булгарин Ф. В.* Памятные записки титулярного советника Чухина. Ч. 1. С. 144.

[32] Положение о наградах гражданских чиновников во время прохождения службы. СПб., 1842. § 15. С. 8.

строгие нормативы в области соблюдения формы одежды. Нередко в Петербурге можно было встретить чиновника, единственный вицмундир которого приходил в ветхое состояние, подобно тому как это выглядит в одежде Девушкина: «из сапога голые пальцы торчат,.. локти продраны... сквозь одежду голые локти светятся, да пуговки на ниточках мотаются» (1, 69). Характерны замечания по этому поводу самого Николая I, который возмущенно указывал, что «некоторые чиновники дозволяют себе при мундирных фраках носить фуражки, цветные жилеты... панталоны и палочки, к явному безобразию форменной одежды».[33]

Повышение строгости начальства к соблюдению формы одежды чувствует и Девушкин. Он говорит Вареньке, комментируя оторванную пуговицу на своем мундире: «...мне без пуговок быть нельзя... ⟨...⟩ его превосходительство могут такой беспорядок заметить да скажут — да что скажут!» (1, 74). На однобортном гражданском мундире 1830—1840-х гг. независимо от чина и ведомства было двадцать пять круглых металлических пуговиц: девять на груди, три на обшлагах, три под карманными клапанами и по две на каждой фалде. Исключение составляли мундиры чиновников Лесного ведомства и Академии художеств, где полагались «разрезные обшлага» с двумя пуговицами на них. В соответствии с мундирной реформой 1834 г. изображения на пуговицах имели специальную чеканку, обозначавшую ведомственную принадлежность владельца мундира. На пуговицах мундира Межевого гражданского корпуса изображались «межевые орудия», пуговицы мундиров Почтового департамента содержали изображение герба Российской империи с почтовыми сигнальными трубами внизу, на пуговицах чиновников Министерства иностранных дел был отчеканен государственный герб, чиновники Правительствующего Сената носили мундиры и вицмундиры с пуговицами, на которых была изображена колонна со словом «закон» на ней, получившая наименование «сенатского чекана». Помимо Сената такие пуговицы использовали и некоторые другие ведомства. Подобные «сенатские пуговицы», например, были на мундире чиновников Комиссии составления законов. Отсутствие пуговиц на мундире было грубейшим нарушением формы одежды, которое могло повлечь за собой суровое наказание со стороны начальства. Завершая первый вариант своего романа «Бедные люди» к осени 1844 г., Достоевский имел чин 10-го класса (инженер-подпоручик) и, подобно своему герою, страдал от дефицита обмундирования, оставшись «без средств, с долгами, без платья...» (28_1, 103).

Получив нежданную субсидию от «его превосходительства», Девушкин собирается купить себе новые сапоги: «На рубль сере-

---

[33] *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII—начало XX в. СПб., 1999. С. 231.

бром» (1, 74). Согласно свидетельствам современников, один рубль ассигнациями в Петербурге стоили: три живые индейки, или четыре гуся, или два килограмма восковых свечей, или билет в театр, или башмаки; в то время как обычная стоимость пары простых сапог — два рубля ассигнациями.[34] Один рубль серебром (3 р. 50 коп. ассигнациями) стоила обувь значительно более высокого качества, так что Девушкин собрался покупать себе не простые сапоги, а такого рода, о котором он говорит Вареньке: «...сапоги новые, например, с таким сладострастием надеваешь — это правда, я ощущал, потому что приятно видеть свою ногу в тонком щегольском сапоге» (1, 62).

В письмах Достоевского из Главного инженерного училища периода 1838—1839 гг. и в романе «Бедные люди» содержится употребление слов «чай», «сахар» и «сапоги» в определенном специфическом значении. При всем различии практической ценности этих предметов (особенно — второго и третьего) их отсутствие обозначало в письмах Достоевского к отцу различные степени бедности. Эти три знака располагались по их выразительной ценности следующим образом: сильнейшим из них был «чай», «сахар» являлся дополнением и отдельно от «чая» не употреблялся, «сапоги» же оказывались последним аргументом, так как значительно уступали по уровню экспрессивности «чаю». Итак, если «сахар», то вместе с «чаем», а если эти знаки переставали работать, появлялись «сапоги» как второй уровень той же парадигмы бедности. Заметим, кстати, что чай в 1830—1840-е гг. в России являлся предметом роскоши, деля всех жителей Петербурга на тех, которые «пили чай», и тех, которые не могли себе этого позволить: стоимость фунта чая была равна стоимости 2—3 бутылок французского шампанского или нескольких пудов говядины.[35]

С другой стороны, концепты «чая» и «сапог» как символов «бедности» в сознании Достоевского были тесно связаны со «службой» — задолго до начала работы над романом «Бедные люди». 5 мая 1839 г. Федор Достоевский пишет отцу: «Милый, добрый Родитель мой! Неужели Вы можете думать, что сын Ваш, прося у Вас денежной помощи, просит у Вас лишнего... У меня есть голова, есть руки. Будь я на воле, на свободе, отдан самому себе, я бы не требовал от Вас копейки; я обжился бы с железною нуждою... Теперь же, любезный папенька, вспомните, что я служу в полном смысле слова. — Волей или неволей, а я должен сообразоваться вполне с уставами моего

---

[34] *Сумароков П.* Старый и новый быт // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 16. С. 35.

[35] По свидетельству современника, вместо покупки одного фунта чаю (2 р. 50 коп.) можно было приобрести целого теленка. Другие эквиваленты стоимости: восемь индеек, десять гусей, 125 яиц, 5 кг кофе, две пары башмаков, 2—3 обеда в ресторане высшего класса (*Сумароков П.* Старый и новый быт. С. 35).

теперешнего общества...»; «Когда вы мокнете в сырую погоду под дождем в полотняной палатке, или в такую погоду, придя с ученья усталый, озябший, без чаю, можно заболеть... Но все-таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю. — Теперь требую только необходимого на 2 пары простых сапогов...» (28_1, 60). Достоевский использует здесь первые два значения поливалентного знака «бедности»: в смысле материального блага («можно заболеть») и как знак социального статуса («сообразоваться с уставами общества»). Обратим внимание на последовательность в использовании признаков бедности: если нет денег на «чай» (качественный и количественный максимум), то необходимы хотя бы «сапоги» (минимум). «Служба» описывается здесь как социальный модус, порождающий «бедность»: Достоевский объясняет, что если бы он был «на воле, на свободе», то отпала бы необходимость «пить чай», и «железная нужда» оказалась бы не такой уж страшной.

Типологически сходную семантику знаков «служба», «чай», «сапоги», «общество», «воля» мы обнаруживаем и на страницах романа «Бедные люди». В письме к Вареньке Макар Девушкин манифестирует такую же мотивировку своего желания «пить чай», поясняя: «Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить как-то стыдно; здесь все народ достаточный, так и стыдно»; «Ради чужих и пьешь его, Варенька, для вида, для тона, а мне все равно, я не прихотлив» (1, 17). Нежелание подвергать сомнению свое социальное положение в глазах других оказывается важнейшим мотивом для Девушкина, как это было и для Достоевского в годы обучения в училище;[36] в обоих случаях критерием социальной состоятельности является «чай». Аналогичная картина возникает в связи с другим индексом «бедности» — «сапогами», которые выступают в качестве обозначения «самого необходимого». В список такого рода предметов Девушкин включает три позиции: «карманные деньги», «сапожишки» и платьице» (1, 17). Объяснение этому выглядит как семантическая параллель к предыдущему объяснению: «Ведь для людей и в шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для них же носишь. Сапоги в таком случае, маточка, душечка вы моя, нужны мне для поддержки чести и доброго имени; в дырявых же сапогах и то, и другое пропало, — поверьте, маточка, опытности моей многолетней поверьте...» (1, 70). Следует отметить, что тема «сапог» настолько серьезно акцентирована в романе «Бедные люди», что это вызвало удивление и насмешку у некоторых критиков того времени. Так, один из первых рецензентов романа, Ф. В. Булгарин, заметил: «Девушкин в большей части своих писем беспрестанно толкует о бедственном состоянии своих сапог. Это его idée fixe. С сапогами своими он никак не может расстаться. Он с ними носится и возится, так что весь роман, можно сказать, написан „à propos de

---

[36] *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. М., 1976. С. 138—139.

bottes“».[37] Надо отдать ему должное, Булгарин подметил важную особенность поэтического языка романа «Бедные люди», но лишь неверно истолковал результат своего наблюдения — как проявление писательской неумелости Достоевского. «Сапожный знак» в отличие от «чая-сахара» таил в себе еще более сложную семантику, кратко обобщенную Достоевским уже в зрелые годы в виде дилеммы: «Шиллер» или «сапоги»,[38] «сапожная тема» оказалась прочно связанной с «шиллеровской».

Варвара Доброселова вспоминает о том, как «хозяйка ... старушка, покойница ⟨...⟩ всё вязала из лоскутков разных одеяла на аршинных спицах» (1, 20). Здесь имеется в виду заимствованная из Англии техника «пэчворк» (или «пэтчворк»), модный в первой половине XIX в. вид рукоделия: одеяла и пледы изготавливались из разноцветных шерстяных или хлопчатобумажных лоскутов, которые затем соединялись между собой. Существовало два варианта такой техники: лоскутки вывязывались каждый по отдельности, а затем соединялись в одно целое с помощью вязального крючка или спиц; во втором случае использовались вырезанные по размеру лоскуты готовой ткани, также соединяемые между собой вязаным швом.

Пытаясь как-то скрасить грустное существование Вареньки, Девушкин присылает ей «розанчиков» (1, 25). Речь здесь идет не о букете роз, а о характерном для петербургских кондитерских лакомстве, творожном печенье или «хворосте» в виде бутонов роз. Вероятно, писатель пробовал это кондитерское изделие, так как, согласно воспоминаниям А. Е. Ризенкампфа, в годы, предшествующие написанию «Бедных людей», был завсегдатаем кондитерской, где читал русские журналы и газеты.[39] Рассказывая о посещениях своего сына стариком Покровским, Варенька говорит, что он часто, смущаясь, стоял «в сенях у стеклянных дверей» (1, 33). В эти годы сени — небольшое помещение непосредственно перед входом в дом или квартиру — иногда оборудовались стеклянными дверями на металлических петлях, и это делалось не только в столице. Известно, что господский дом Верхнеунженского завода (Замосковского горного округа) в начале XIX в. имел «в середине теплые сени со стеклянными снаружи дверьми на железных петлях с замком»;[40] дом в имении князей Львовых в Калужской губернии в те же годы имел сени с «дверьми стеклянными и двумя окнами».[41]

---

[37] Северная пчела. 1846. № 48. Ср.: *Цейтлин А. Г.* Повести о бедном чиновнике Достоевского. С. 30.

[38] Эта формула вошла затем в писательское сознание Достоевского как один из главных аспектов «вековечного вопроса» (см.: 10, 23; 2, 233 и др.).

[39] Литературное наследство. Т. 86. С. 330.

[40] ЦИАМ, ф. 2199, оп 1, т. 1, д. 273, л. 153.

[41] Соснер И. Ю. Село Маклаки — калужское имение князей Львовых // Русская усадьба. М., 2005. Вып. 11. С. 402—403.

Описывая свои попытки ухаживания за популярной актрисой, Девушкин рассказывает: «...всякий ее своей Глашей зовет, все в одну в нее влюблены, у всех одна канарейка на сердце» (1, 61). Вероятно, это намек на Варвару Николаевну Асенкову (1817—1841), актрису выдающегося таланта и обаяния, которая собирала вокруг себя толпы поклонников. Автор пьесы «Девушка-гусар», в которой с успехом играла В. Н. Асенкова, Ф. А. Кони, писал о ней как о «прекрасной актрисе, и притом хорошенькой актрисе — и ее хвалят»;[42] о популярности и блестящем актерском таланте Асенковой писал В. Г. Белинский. Она создала целую галерею лирических героинь, играла Евгению Гранде (в пьесе «Дочь скупого», инсценировке романа Бальзака), Офелию в «Гамлете» В. Шекспира, Марью Антоновну в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, Софью в «Горе от ума» А. С. Грибоедова и др. Ее амплуа — нежные, женственные натуры, готовые к подвигу во имя любви и чести. Особенным был ее успех в роли Параши в пьесе Н. А. Полевого «Параша-Сибирячка»,[43] после чего многие называли ее по имени сыгранной ею героини, Парашей. Ситуация всеобщей влюбленности в известную актрису была описана Н. А. Некрасовым в «комедии-водевиле» «Вот что значит влюбиться в актрису!» (1841).[44]

Приехав забирать Вареньку в свою «степь», «помещик Быков», как свидетельствует Варенька, отличился тем, что «побил приказчика дома, за что имел неприятности с полицией» (1, 103). Отметим, что приказчик дома (старший дворник, помощник домовладельца) нанимался для исполнения функций домоуправителя, ведал снабжением дома дровами и водой, очисткой дымовых труб, другими работами, связанными с коммунальным обслуживанием, иногда собирал квартирную плату с жильцов, а также вел так называемую «Домовую книгу», где фиксировались имена и даты въезда жильцов данного дома. Одной из его функций был особый надзор за приезжими и отъезжающими из Петербурга; согласно специальному указу 1808 г., домовладельцы обязаны были о том «немедленно давать знать в полицию»; аккуратно выполнявшие эту функцию награждались медалью «За усердие», однако отказ от донесения или его просрочка карались жестокими штрафами — 10 р. за каждый день опоздания.[45] Возможно, столкновение Быкова с «приказчиком дома» имело своим основанием требование последнего к приезжему сообщить его имя, звание, сроки проживания в Петербурге и прочие данные, необходи-

---

[42] *Кони Ф. А.* Письма // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977 (Письмо И. С. Кони от 18 декабря 1836 г.).

[43] Опубл.: Репертуар русского театра. 1840. № 2. С. 3—27.

[44] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1983. Т. 6.

[45] См. об этом: *Юхнева Е.* Петербургские доходные дома: Очерки из истории быта. М., 2008. С. 128.

мые для записи и подготовки донесения в полицию, что, разумеется, могло вывести темпераментного Быкова из состояния душевного равновесия.

Восхищаясь литературной продуктивностью Ратазяева, а также его предприимчивостью, Девушкин замечает: «Что ему лист написать? Да он в иной день и по пяти писывал, а по триста рублей, говорит, за лист берет ⟨...⟩ семь тысяч, маточка, семь тысяч просит...» (1, 51). В 1830—1840-е гг. в русском обществе сложился миф о баснословных доходах Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского, первых писателей в России, обогатившихся с помощью печатного слова. Началом бурного успеха Булгарина был выход «Ивана Ивановича Выжигина» в 1829 г. в издательстве А. Ф. Смирдина; для того времени огромный тираж в 4000 экземпляров был продан за 3 недели. В обществе ходили слухи, что за роман Булгарин получил 2000 р. ассигнациями, в то время как редактор «Библиотеки для чтения», также издававшейся Смирдиным, О. И. Сенковский — 6000 р. за каждые 3000 проданных экземпляров журнала и по 2000 р. за каждую последующую тысячу.[46] Относительно платы за авторский лист Девушкин также называет цифры, близкие к гонорарам О.И.Сенковского, бытовавшим в «Библиотеке для чтения», — 400 р. ассигнациями за оригинальную статью, 200 р. — за переводную, в то время как «рядовые сотрудники журнала получали вдвое меньше».[47] По поводу больших сумм, обращавшихся в этих литературных предприятиях, в статье «Словесность и торговля» С. Шевырев писал: «„Библиотека для чтения“ есть просто пук ассигнаций, превращенный в статьи... Торговля теперь управляет нашей словесностью, и все подчинились ее расчетам... Но в чем тайна всего этого? В том, что цена печатного листа есть 200 или 300 руб.; что каждый эпитет в статье его ценится, может быть, в гривну; каждое предложение есть рубль».[48] Ему возражал В. Г. Белинский, называя бизнес Смирдина «прекрасным делом», так как «плата за честный труд нисколько не унизительна»,[49] и даже сделав выговор И. С. Тургеневу за то, что тот стеснялся брать гонорары и «дарил» свои тексты журналам. Сам Достоевский связывал свою жизнь исключительно с возможностью зарабатывать литературным трудом. А. Е. Ризенкампф вспоминает, что Достоевский в эти годы не раз произносил фразу: «Ведь дошел же Пушкин до того, что ему за каждую строчку стихов платят по червонцу... — авось и мне заплатят что-нибудь!».[50]

---

[46] *Вишневецкий Л. М., Иванов Б. И., Левин Л. Г.* Формула приоритета: Возникновение и развитие авторского и патентного права. Л., 1990. С. 52.

[47] Там же.

[48] Московский наблюдатель. 1835. № 1. С. 7.

[49] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 127—128.

[50] Литературное наследство. Т. 86. С. 330.

Восхищение Девушкина талантом Ратазяева сменилось чувством глубокой обиды на него. Он пишет Вареньке о «гнусном намерении Ратазяева нас с вами в литературу свою поместить и в тонкой сатире нас описать» (1, 70). Этот эпизод романа «Бедные люди» связан с журнально-газетной полемикой, которая развернулась, начиная с 1820 г., в русском обществе. Обсуждалась проблема о совместимости государственной службы и занятия профессиональным литературным трудом; в связи с этим ставился вопрос о принципиальной возможности публикации в прессе каких-либо сведений, касающихся условий быта и труда государственных служащих. В этом вопросе было два аспекта: моральный — о праве на вторжение в личную жизнь человека и публикацию сведений о его бытовой жизни, и официально-государственный — о пользе или вреде широкого обсуждения тем, связанных с бытовыми условиями жизни чиновника. Спор о том, может ли один чиновник публиковать тексты, описывающие внутреннюю жизнь канцелярии или тем более личную жизнь другого, был настолько заметным явлением общественной жизни, что последовала реакция правительства. Указом Александра I от 23 июля 1824 г. объявлялось, что «его императорское величество находит полезным единожды навсегда принять за правило, чтобы российские чиновники, находящиеся на службе, нигде и ни на каком языке не издавали в свет никаких сочинений, касающихся внешних и внутренних дел Российского государства не только без обыкновенной цензуры, но и без дозволений начальства». Современник свидетельствует, что цензура настолько активно включилась в работу по выявлению нарушений Указа, что иногда слово «чиновник» заменялось цензором на более приемлемое словосочетание: «служащий в конторе».[51]

В 1830-е гг. после принятия более мягкого цензурного устава ситуация резко изменилась и бедный чиновник обосновался в качестве одной из центральных фигур в тематическом поле русской литературы и публицистики: «...как только печать наша почувствовала некоторую долю свободы, то первый ее натиск был направлен на чиновников без соображений с тем подневольным положением, в каком они находились».[52] С другой стороны, существовало мнение, что любое печатное слово о чиновнике должно исходить исключительно и только от его непосредственного начальства, все остальное освещение общественного и бытового аспектов его жизни оказывалось противоправным и/или аморальным. Причину тому находили в априорной необъективности свидетельства одного чиновника о другом. Как отмечает современник, речь шла именно о моральном аспекте проблемы: «чиновники-литераторы», по его

---

[51] *Карнович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 105.

[52] Там же. С.106.

мнению, «должны были прекратить ... хвалебные самим себе гимны», в равной мере также и «направленные против своих коллег обличения»;[53] порочность любого автора, который затрагивает тему жизни государственных служащих, по мнению современника, заключалась в том, что он, «нападая на низшее чиновничество, кадит вместе с тем перед высшим не только утонченным фемиамом, но донельзя удушливым ладаном».[54]

Надо отметить, что первые сатирические выпады против конкретных должностных лиц в русской литературе появились при Екатерине II, в рамках принятых в те годы «моральных поучений» и пресловутой борьбы с «невежеством». Наиболее резким выступлением против должностного лица в русской литературе долгие годы считалась «Ябеда» В. В. Капниста (1798). В 1830-е гг. в изобилии появились водевили, в которых содержались «куплетики невинно-насмешливого свойства над секретарями и заседателями, да в иных повестях выводилась с сатирическим, по тогдашним понятиям, направлением жизнь мелких чиновников». В качестве общего названия такого рода текстов современник называет «водевильчик доброго старого времени под названием „Титулярный советник в домашнем быту“».[55]

На новый уровень в литературе тему чиновничества подняла «натуральная школа» В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова. В период подготовки реформ Александра II в защиту чиновничества выступили В. А. Соллогуб с пьесой «Чиновник» (1856), с явным акцентом на добропорядочность главного ее героя Надимова, а также Н. М. Львов с пьесой «Свет не без добрых людей», напечатанной в «Отечественных записках» (1857) и шедшей на императорской сцене в Петербурге. Лучшим произведением на эту тему по праву считались «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1857), занимавшего должность губернатора.

Важным свойством композиции романа «Бедные люди» является принципиальная несимметричность в характере коммуникативных отношений между Варенькой Доброселовой и Макаром Девушкиным.

В. С. Нечаева справедливо отмечает, что «большая часть писем Вареньки рассудочно холодна, иногда сбивается на официально деловой тон».[56] Объяснением может служить то, что для Вареньки переписка — это лишь один из каналов этического общения, очевидно, не самый лучший, для Девушкина — способ авторского самовыражения в формате эстетической коммуникации. В сущности та же схема обнаруживается в своих основных чертах и в переписке Достоевского с братом Михаилом в 1838—1844 гг. Как и Девушкину,

---

[53] Там же. С. 103.

[54] Там же. С.104.

[55] Там же. С.105.

[56] *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. С. 152.

Достоевскому было важно само письменное слово, которое теряло свою силу и релевантность при личной встрече с адресатом текста, для М. М. Достоевского письма были не лучшей заменой устного диалога. Личные встречи в период интенсивной переписки не обещали письменному диалогу братьев хороших перспектив: посетив в эти годы Михаила Михайловича в Ревеле, Достоевский чуть не поссорился с ним, без всякого, впрочем, повода; после чего умолял его сохранить отношения между ними и возобновить переписку.[57] Письма Девушкина оканчиваются настойчивыми требованиями ответа, например: «Об одном прошу: отвечайте мне, ангельчик мой, как можно подробнее...» (1, 17). Такими словами в период подготовки к написанию романа «Бедные люди» Достоевский обычно завершал свои письма к брату Михаилу: «Пиши же, сделай одолжение, утешь меня и пиши как можно чаще» (9 августа 1838 г. — 28_1, 51); «Жду нетерпеливо ответа. Теперь, милый, остановки не будет в нашей переписке» (16 августа 1839 г. — 28_1, 63); «Пиши скорее непременно (19 июля 1840 г. — 28_1, 76); «Пиши немедля» (31 декабря 1843 г. — 28_1, 84). Варенька Доброселова, как и Михаил Михайлович Достоевский, являясь обязательным условием коммуникации, не настаивает на самостоятельной ценности этой переписки в отличие от Достоевского и его героя Девушкина, для которых письменный диалог был необходимой формой самовыражения.[58] Коммуникативная структура переписки братьев Достоевских 1838—1844 гг. повторяется в сюжете «Бедных людей»; в свою очередь повествовательная структура романа является непосредственным продолжением и продуктом переписки Достоевского с братом.

Попытка героя реализовать сложение своей личности в форме авторского письма представляет собой важную сюжетную основу «Бедных людей». В. В. Виноградов проницательно заметил: «в Макаре Девушкине мы видим завуалированный экспрессией бедного человека лик писателя-реалиста»; «Ф. М. Достоевский создает очень сложную стилистическую структуру образа „бедного человека“ в лице Макара Девушкина, наделяя его авторскими функциями».[59] За гоголевской темой «маленького человека» скрывается главная тема

---

[57] Там же. С. 95.

[58] Такого рода коммуникативная конструкция не была выдумкой писателя, ее истоки — в свойствах русской дворянской культуры середины XIX в., основанной на интенсивном обмене письменными текстами. В этом смысле письма Девушкина к живущей в соседнем доме Вареньке можно сравнить с письмами Т. Н. Грановского к его невесте в 1841 г., когда он писал, даже отлучаясь на несколько часов из дому, «каждый день, а иногда два раза в день» (*Станкевич А. В.* Тимофей Николаевич Грановский: Биографический очерк. 3-е изд. М., 1914. С. 181).

[59] *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959. С. 490, 142.

романа — об авторстве как способе реализации творческой индивидуальности в условиях, минимально для этого подходящих. Мечты героя «Бедных людей» о будущем, как и у самого Достоевского в 1844—1845 гг., оказываются тесно связанными с литературным творчеством. Он пишет Вареньке: «Будем жить согласно и счастливо. Займемся литературою...» (1, 94). К этому моменту он уже обретает свой «слог», налаживает с помощью письменного слова актуальный контакт с окружающим миром и впервые в жизни видит бытийную перспективу вместо маячившего перед ним в прежние годы социального тупика. Он пишет: «...буду вести себя *хорошо и отчетливо* (курсив мой. — *К. Б*); мы будем опять писать друг другу счастливые письма, будем поверять друг другу наши мысли, наши радости, наши заботы, если будут заботы; будем жить вдвоем согласно и счастливо...»; «Ангельчик мой! В моей судьбе все переменилось, и все к лучшему переменилось»; «Теперь дурные времена прошли. Насчет меня не беспокойтесь. Впереди так светло, хорошо»!» (1, 94—96). Сравним это с текстом письма Достоевского к брату, где он сообщает о своей жизненной программе: «Насчет моей жизни не беспокойся. Кусок хлеба найду скоро... Теперь я свободен» (28_1, 100); «Я хочу, чтобы каждое произведение мое было *отчетливо хорошо*» (28_1, 107; курсив мой. — *К. Б.*).

Самой большой опасностью для ищущего свой слог автора является потеря возможности обратиться со своим «словом» к другому человеку. Это остро чувствовал сам Достоевский, передавая это ощущение своему герою-повествователю: лишение Девушкина возможности авторства как формы бытия в творении своего «слога» оказывается приравненным к физической смерти. Последнее письмо Девушкина, написанное «в никуда», не случайно лишено даты, подобно предсмертной записке. На такого рода смысл указывают слова Девушкина: «Вы именно об этом подумайте — что вот, дескать, на что он будет без меня-то годиться? ... *А то что из этого будет? Пойду к Неве, да и дело с концом*. Да право же, будет такое, Варенька; что же мне без вас делать останется?» (1, 58; курсив мой. — *К. Б.*). Девушкин пишет это письмо по инерции своего коммуникативного самоосуществления: он трагически переживает потерю конкретного реципиента, но имплицитный адресат еще продолжает существовать в его письме. Основной темой этого письма становится смерть Девушкина как автора, естественным образом приводящая его к физической смерти, — эти две ипостаси бытия сливаются в одно целое. Он пишет: «К кому же я письма буду писать, маточка? Да! вот вы возьмите-ка в соображение, маточка, — дескать, к кому же он письма будет писать?.. Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья...» (1, 107). Достоевский обнажает подоплеку эпистолярного пристрастия Девушкина — это была настоящая писательская рабо-

та, смысл которой заключается в формировании индивидуальной точки зрения на мир в форме описания видимого с этой точки мира, предназначенного для восприятия сознанием другого. Авторство для Девушкина, как и для самого Достоевского, — не занятие, но форма бытия личности, имеющая этико-онтологический характер, и его существование обусловлено наличием «положительно-приемлющего» реципиента.

Основным сюжетом «Бедных людей» является процесс преображения безгласного «социального животного» в «незаместимый голос», где авторство рождается как откровение «действительности сознания», ведь «творца мы видим только в его творении, но никак не вне его».[60] Возвращение к состоянию «переписчика бумаг» и прозябанию в своем «запустении» для Девушкина уже невозможно, его последнее письмо — протест против потери возможности авторского самовыражения и одновременно против смерти: «...ведь никак не может так быть, чтобы письмо это было последнее. Ведь вот как же, так вдруг, именно, непременно последнее! Да нет же, я буду писать, да и вы-то пишите. А то у меня и слог теперь формируется...» (1, 108). Трагический характер происходящего подчеркивается тем, что это случается в тот момент, когда наконец индивидуальность Девушкина сложилась, обрела свой «слог» и получила искомую форму зрелой личности. Эти судорожные фразы напоминают пресловутую «минуточку Дюбарри», о которой писал Достоевский годы спустя, Девушкин по секундам продлевает последнее мгновение своего творчества, и в сущности своей жизни: «Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше...» (1, 108). Альтернативы для существования личного «голоса» человека, свидетельствующего о своем бытии, кроме того чтобы этому голосу быть услышанным и оцененным, не существует. Заканчивая работу над романом «Бедные люди» и обдумывая вопрос, будет ли у его романа адекватный читатель, воображая возможные последствия неуспеха романа, Достоевский дословно повторяет формулировку из письма Макара Девушкина: «Итак, я решил обратиться к журналам и отдать мой роман за бесценок — разумеется, в „Отечеств⟨енные⟩ записки". Дело в том, что „Отечеств⟨енные⟩ записки" расходятся в 2500 экземплярах, следовательно, читают их по крайней мере 100 000 человек. Напечатай я там — моя будущность литературная, жизнь — всё обеспечено. Я вышел в люди ⟨...⟩ А *не пристрою романа, так, может быть, и в Неву*. Что же делать? Я уж думал обо всем. Я не переживу смерти моей idée fixe» (28_1, 110; курсив мой. — *К. Б.*).

---

[60] *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 363.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ДОСТОЕВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

19

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2010